

ФИЛОСОФИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Доклады на заседаниях Ученого совета

Института философии РАН

Начиная с апреля 2006 г. на заседаниях Ученого совета Института философии РАН ведущие исследователи выступают с докладами на темы, волнующие сегодня философское сообщество. Эти доклады будут публиковаться на страницах «Философского журнала».

Т.И. Ойзерман

ФИЛОСОФИЯ ФИЛОСОФИИ

Я полагаю, все вы согласитесь со мной, что вопрос о том, что такое философия, представляется неискушенному в философии человеку элементарным вопросом, вопросом, почерпнутым из популярной брошюры или из учебного пособия. И этот неискушенный в философии человек пожимает плечами, когда видит, что такие известные в мире философы, как Хайдеггер, пишут книги «Что такое философия?», когда Ортега-и-Гассет называет книгу «Что такое философия», когда такие постмодернисты, как Жиль Делёз и Феликс Гваттари, выпускают книгу «Что такое философия», — я могу перечислить еще много других авторов, которые известны как философы и известны как авторы книги на тему «что такое философия». Значит, здесь есть проблема. Один из рано ушедших талантливых философов, Эрик Юдин как-то сказал, что философия — это проблематизация известного, когда известное делается проблемой. В свое время еще Гегель говорил, что известное — еще не значит познанное. И Декарт как-то замечал, что он никак не может доказать, чем отличается бодрствование от сна — факт вроде очевидный, но Декарту требовалось доказательство. И американский прагматист, Фердинанд Шиллер, которому покойный Митрохин посвятил свою кандидатскую диссертацию, по этому поводу высказал каламбур: если король спит двенадцать часов в сутки и видит во сне себя нищим, а нищий спит двенадцать часов в сутки и видит себя во сне королем, то разницы между ними нет никакой.

Итак, вопрос «что такое философия» действительно является мучительным вопросом для философов. Как говорил Фихте, едва ли найдется и полдюжина таких, которые знали бы, что такое философия. Математик скажет: то, чем я занимаюсь как специалист, это и есть математика. Философ тоже скажет: то, чем я занимаюсь как специалист, это и есть философия. Но все философы, и даже не только философы, но просто люди, немножко знающие философию, легко отличают философские тексты от нефилософских, и всегда скажут, что «Философия зоологии» Ламарка — это все-таки не философия, хотя там есть какие-то мысли, достойные фи-

лософа. Значит, философы, которые ни в чем не согласны между собой, согласны все-таки в одном — в том, что философию от не-философии всегда можно отличить.

Почему же философия стала проблемой? Джон Дьюи, который, казалось бы, не занимался изучением философии как философии, тем не менее в своей последней лекции признался: «В настоящее время самым важным вопросом философии является вопрос, что такое философия сама по себе, какова ее природа, каковы функции философских занятий». Для мыслителя-прагматиста такая постановка вопроса вызывает некоторое удивление.

Дело в том, что Аристотель, скажем, дает свое определение философии, но это, в сущности, определение философии Аристотеля. Хайдеггер дает свое определение философии, но это относится лишь к его философии. Не трудно, конечно, описать, охарактеризовать философию Шеллинга, Сартра, того же Хайдеггера, если взять каждого из них самого по себе. Но как охарактеризовать философию вообще, учитывая, как велики различия между мыслителями? Значит ли это, что нужно отвлечься от всего того, что отличает Хайдеггера от Фомы Аквинского или Джона Дьюи от Жан-Поля Сартра? Но что тогда остается? Остается некое абстрактное понятие философии, которое никому ничего не дает.

Вот почему вопрос «что такое философия?» для философа оказывается вопросом о смысле не только философии, но, если хотите, даже о смысле самой жизни. Собственно, так и определяет философию Хайдеггер.

И наши коллеги, конечно, тоже задумываются над тем, что такое философия. Уважаемый председатель Совета академик Гусейнов пишет статью «Назначение философии», полагая, что предпочтительнее говорить о «назначении философии», чем о том, «что такое философия», — тогда получается менее претенциозно.

Академик Стёпин в своей известной не только в нашей стране, но и в англоязычных странах работе «Теоретическое знание» определяет философию как самосознание культур. Это интересное определение. Но, конечно, тогда встает вопрос о многообразии культур. Некоторые исследователи насчитывают около двухсот определений культур. Не получается ли тогда, что столько же может быть и различных философий? С другой стороны, есть и философия культуры как особая область исследований. Например, «Энциклопедию философских наук» Гегеля, несомненно, можно считать каким-то самосознанием культуры. А Х.Ортега-и-Гассет говорит, что единственным предметом философии является универсум — во всех смыслах этого слова, не просто как Вселенная, а также духовный универсум, то есть даже больше, чем жизнь, чем Вселенная. Ну и, конечно, есть множество других определений. Неопозитивисты и Витгенштейн утверждают, что философия — это попытка прояснения разума, помраченного употреблением научных терминов. Это первый вариант. Второй вариант — требование освободить разум, помраченный употреблением терминов обыденного сознания...

Какой же я бы сделал вывод? В книге «Философия как история философии» я пишу так — позвольте процитировать: «Философия, в отличие от любой науки, каков бы ни был исторический уровень ее развития, существует как неопределенное множество философских учений, которые противостоят друг другу, отрицают друг друга и вместе с тем дополняют друг друга. Таков *modus essendi* философии, такой она была уже в первое столетие своего исторического бытия, такой она осталась и в наше время. И нет ни-

каких снований полагать, что когда-нибудь в будущем философия утратит свою многоликость, которая является ее особенностью, специфической формой познания. Было поэтому заблуждением полагать, что философский плюрализм существует только до тех пор, пока не создана такая система, которая решила вопросы, которые не были решены. Он существует, потому что существует философия, и будет существовать до тех пор, пока существует философия».

И академик Гусейнов в своей статье «Назначение философии» говорит, что идея принципиальной множественности философии имеет фундаментальное значение. Признаюсь, сам-то я к этому выводу пришел не так давно, лет десять тому назад. А лет двадцать тому назад в одном сборнике, вышедшем в Швейцарии, я писал о том, что плюрализм философских учений — это исторически преходящее явление. Вероятно, тогда я был убежден, что диалектический материализм должен завершить историю философии. Ведь и Гегель говорил, что история имеет не только свое начало, но и конец. Слава Богу, что мне удалось исправить это свое заблуждение.

Что хорошего в том, что философия многолика? А именно то, что существуют разные философии. Спиноза говорил, что, может быть, моя философия не самая лучшая, но она истинная. Это была догматическая иллюзия Спинозы, да и любой философ, строящий свою систему, также не свободен от этой иллюзии. Эти иллюзии разрушаются другими системами. И тем самым обогащается океан философского мышления, тем самым возникают новые проблемы, новые идеи, понятия. И постмодернизм в лице Деррида или Лиотара, людей, готовых к отрицанию, следуя примеру Ницше, отчасти Хайдеггера, также обогащают понятие философии своим отрицанием. Ибо всякое квалифицированное отрицание философии есть тоже философия. Да ведь весьма часто философия выступала не только как критика другой философии, но и как отрицание философии вообще. Помните, как у Фейербаха: «Meine Philosophie — keine Philosophie», моя философия — уже не философия. Но кому в голову приходило не считать Фейербаха философом? Маркс и Энгельс тоже считали, что их философия — это не философия.

Значит, плюрализм философских учений — это реальное богатство философии. И чем больше плюрализируется философия, тем увеличивается ее богатство. Будем же плюралистами.

Межуев В.М. — Конечно, надо признать, нечего спорить, что нет одной философии на всех. Одной философии, какой-то гуманистической философии не существует. И все-таки останавливаться просто на плюрализме и считать, что в этом существует какое-то определение философии, мне кажется недостаточным. Потому что и искусство плюрально. Разве искусство не существует как многообразие жанров, видов, направлений, стилей? Я тогда не вижу здесь принципиального отличия.

Я хотел бы вернуться к определению В.С. Стёпина, оно близко и моему. Скажу коротко. Как бы мы ни определяли философию, важно одно: философия есть часть культуры. Мы можем еще не договориться о том, как определять философию, ведь философия — часть не любой культуры. Я не верю в существование философии в любой культуре. Для меня все-таки философия — это изобретение эллинов, это часть европейской культуры наряду с какими-то другими вещами. И очень важно понять, почему Европа оказалась вынужденной осознавать себя не просто через религию,

как это характерно для всех доевропейских и неевропейских культур. Когда-то Россия тоже себя идентифицировала через православие, Китай — через конфуцианство, и т.д. Почему европейцу — не любому, конечно, образованному — потребовалось идентифицировать себя не через обращение к богам, а через обращение к идеям? Я тут не буду долго рассуждать, мне кажется, в силу одной вещи — в силу того, что Европа открыла свободу. Поэтому философия есть не просто самосознание культуры, а философия есть самосознание человека, осознавшего себя свободным. Это есть самосознание свободного человека. И в этом смысле для меня философия помещается как бы на территории, расположенной между религией и наукой. Ее может тянуть в ту сторону и в другую, поэтому есть научная философия и есть религиозная философия. Если, образно говоря, это в составе европейской культуры обязательно, выбросите какой-то один из этих элементов — и нет европейской культуры. Религия в европейской культуре, скажем так, отвечает за то, что человек должен быть добрым, моральным, наука отвечает за то, что он должен быть сильным, вооруженным технологией и знанием, а философия отвечает за то, чтобы он был свободным. Философия есть взгляд на мир свободного человека. Это единственный институт, мне известный в сфере культуры, который охраняет человеческую свободу, как это Кант понимал в «Споре факультетов...». И вот когда со свободой плохо, когда она куда-то уходит, вот тогда наступает кризис философского знания.

Лекторский В.А. — Я скажу несколько слов, потому что тема такая, что можно обсуждать часами. Доклад был очень интересный, и во многом я согласен с тем, что сказал Теодор Ильич. Я только хочу сделать два или три мелких замечания.

Первое вот какое. Конечно, философия невозможна без истории философии. Ведь есть такая позиция (у Теодора Ильича, по-моему, нет, но она не раз высказывалась), что философия — это и есть осмысление истории философии. С такой позицией я не согласен. Потому что, представьте себе, что если бы такой позиции придерживались все философы, то не было бы и истории философии... Такая позиция сама себя опровергает. Каждый философ пытается решать какие-то проблемы. Для меня философия — это решение определенного типа проблем.

О каких проблемах идет речь? Это самое сложное, потому что на самом деле, и Теодор Ильич это прекрасно показал, каждый философ по-своему понимает философию и формулирует новую проблему. Конечно, любая крупная философская концепция и проблемы формулирует несколько иначе, и, что самое главное, способы решения берет свои. И в этом смысл обсуждения проблемы «что такое философия».

Тем не менее можно выделить несколько проблем, которые инвариантны для всей истории западной философии. Это не только проблема свободы, о которой сказал Вадим Михайлович, она действительно парадоксальна, потому что свобода связана с необходимостью, на эту тему можно много говорить. Это вообще все фундаментальные проблемы: что такое реальность, что такое бытие, что такое субъект, «я». Это все парадоксальные проблемы, которые нельзя решить однозначно с помощью чисто научного метода. И философы их по-разному формулировали; каждый крупный философ не просто пытался ответить, что такое философия, он пытался решить эти проблемы по-своему, он создавал принципиально новое видение мира.

Второе. Когда философы ставят вопрос «что такое философия», по существу они обсуждают вопрос не только философии, и Теодор Ильич об этом сказал, а вопрос «что такое культура», «что такое человек». И каждый раз, поскольку сама культура меняется, и человек меняется, этот вопрос постоянно и всегда будет воспроизводиться.

И третье — насчет плюрализма философских концепций. Конечно, это факт, и, возможно, так будет всегда. Но, понимаете, очень важно признавать этот факт и, констатируя его, отдавать себе отчет в том, что каждый философ, который пытается решить проблемы и пытается обосновать свое решение проблемы, не может не исходить из собственного видения. Установка, что все правы, и все это было, и будет, не может быть установкой философа. Поэтому если я признаю, что есть иная точка зрения, то, как каждый философ, с ней спорю, пытаюсь опровергнуть, доказать, что мое понимание лучше. И так будет всегда — каждый философ будет считать, что все правы, но я правее всех. Иначе он не будет философом. Это ведь очень важно! С этим связано еще одно: хотя, в конце концов, одни и те же решения принципиально воспроизводятся, все же каждый раз они воспроизводятся на каком-то новом уровне. Поэтому для меня слово «прогресс» в отношении, может быть, слишком сильно, но какое-то движение философской мысли, по-моему, существует. Вот это очень важные, по-моему, вещи, которые не опровергают то, что сказал Теодор Ильич, а которые, может быть, могут быть рассмотрены как дополнение. Ведь философия, здесь я согласен с Теодором Ильичом и с Вадимом Михайловичем, — это важный способ критики культуры, способ культуротворчества. Это не просто рефлексия над культурой, это, вместе с тем, способ переинтерпретации культуры. Но вообще я хочу еще раз поблагодарить докладчика за то, что он и в самом деле показал, что есть такие проблемы, которые важны не только для философа, но, по-моему, и для всех, кто думает над судьбами культуры и человека, которые мы обсуждали и будем всегда обсуждать.

Степанянц М.Т. — Я хотела бы поблагодарить Теодора Ильича и Ученый совет за постановку этой проблемы, которая является проблемой не только для каждого из нас, занимающихся философией, но я думаю, она особенно важна для тех, кто занимается западными философскими традициями, потому что нам нужно для себя решить, обосновать, что все-таки философия в этих традициях и в этих культурах существует, поэтому очень важно ставить вопрос, что же такое философия и была ли она на Востоке.

Я никак не могу согласиться, конечно, с точкой зрения Вадима Межуева по поводу того, что только эллины были способны к философствованию. Если вспомнить этимологию — философия как любовь к мудрости (мне как-то по-прежнему любо это определение), то мудрым человеком является тот, кто способен лучше других ответить на вопросы, с которыми сталкиваются обычные окружающие его люди, с экзистенциальными проблемами, проблемами жизни, проблемами смысла жизни, и с этим уже связано место человека в универсуме, значит, возникает вопрос о том, что такое универсум, и т.д., и т.д. Поэтому я думаю, что отказываться от того, что заложено в самой этимологии слова «философия», не следует, это действительно любовь к мудрости.

Теперь об обращении к богам. Если говорят о том, что культуры, которые обращались к Востоку, не имели философии, то я думаю, что восточные культуры, такие цивилизации, как индийская и китайская, вообще под

это определение не подходят. Потому что в Китае, можно сказать, богов вообще не было, там было только Небо. Если говорить об Индии — там тоже не обращались к богам при решении этих экзистенциальных проблем. Другое дело, что там обращались к традиции, может быть, к традиции, которая связывалась с мудрыми людьми. Может быть, в этом смысле можно обвинять Восток в том, что он не был свободен. Но с другой стороны, В.А. Лекторский говорит о значимости истории философии. Но это тоже ведь традиция, которая передавалась. Так что будем осторожнее в таких категоричных заявлениях. Если говорить об определении, то меня тоже не очень удовлетворяет, что в философии главное — плюральность. Плюральность в связи с чем? по поводу какого предмета? какого метода? и т.д. Мне кажется, что, может быть, стоит в связи с этим вспомнить слова Фихте о проблематизации неизвестного, того, что постоянно человек ищет, о постоянной рефлексии, постоянном поиске ответов на экзистенциальные вопросы.

Соловьев Э.Ю. — Тема, заявленная в докладе Теодора Ильича, «Философия философии» или «Философия самой философии» — это тема для мудрых. И из всех нас, мне кажется, только Теодор Ильич имеет полное право на такую тему претендовать. Потому что она требует не просто больших познаний, а, в общем-то, очень сложного и долгого жизненного опыта. И, пожалуй, его вывод, что пафос философии есть пафос плюральности, я рассматриваю не столько как доказанный тезис, сколько как глубоко прочувствованное, выстраданное утверждение.

Теодор Ильич начал с высказывания Э.Г. Юдина «Философия — это проблематизация известного» и связал это высказывание с высказыванием Гегеля «Не все известное является познанным». Так вот, сопрягая два эти высказывания, я решусь сказать так: философия — это проблематизация познанного. И основной эффект философии, на мой взгляд, это вообще уже не есть знание. Мы в последнее время, слава Богу, научились рассуждать в таком плане, спокойнее к этому относиться, и принимать, что философия не есть наука. Но на мой взгляд, в очень строгом смысле слова, философия вообще не есть знание. По этой причине мне нравится совокупность рассуждений, которую Ясперс предъявил нам как философскую веру. Я думаю, что понятие философской веры более точное, более квалифицированное, чем выражение «философское знание». Именно в этом плане я хочу откликнуться на выступление Вадима Михайловича, который, рассматривая философию в структуре культуры, помещает ее между наукой и религией. Слово «между» мне не очень нравится, но я согласен с тем, что основное усилие философии — это постоянное отношение к этим двум областям культурным: к науке с одной стороны и к религии с другой. И мне кажется, что то, что пытается подчеркнуть Теодор Ильич в своем докладе, чрезвычайно важно в связи с проблемой отношения философии к религии. Религия — это такой род веры, которая плюралистичной быть не может и которая обязательно стремится к монософизму. И вот по отношению к ней философия и выступает как хранитель и носитель полисофичности или, в дискурсе Вадима Михайловича, свободы. И вот эта тема, мне кажется, делается особенно напряженной в современном мире, где многоверие, поликонфессиональность является чрезвычайно остро ощутимой и, в общем, уже политической проблемой.

Федотова В.Г. — Я хотела бы сказать, что мы с М.Т.Степанянц были на Всемирном форуме «Диалог культур», где выступал один физик, директор одного из институтов Макса Планка, ученик Гейзенберга, с совершенно

потрясающей, на мой взгляд, речью. Он сказал о том, что он исходит из положения Рассела-Эйнштейна в их известном манифесте «Стремиться научиться мыслить иначе». И он говорил о том, что тогда они боялись атомного оружия, они боялись войны, а сегодня он боится... экологической катастрофы, он боится экономического сужения горизонта жизни. И это он связывает с тем, что сложилась материалистически-механистическая картина мира, суть которой состоит в том, что реальность предстает как данная, что она дана. Про себя он говорит, что занимается металлом, и что нет ничего более прочного и данного. Но когда он работает с металлом и видит его как данную реальность, то при этом, занимаясь трансформациями этого металла, он перестает понимать, что такое металл, что такое реальность металла. И мне кажется, он реагирует в том числе и на ситуацию культурных изменений, на то, что мы должны научиться мыслить иначе потому, что реальность всякий раз оборачивается совершенно разными своими сторонами и свойствами. И вот сегодня ее быстрые изменения не дают нам ее схватить в качестве вещи. Когда-то, наверное, люди радовались, получив ту материалистически-механистическую картину, и Адам Смит радовался, опираясь на Ньютона, и т.д. Но сегодня, я думаю, утверждая плюральность философии, Теодор Ильич говорит, как научиться мыслить иначе, и всякий раз иначе, когда перед тобой встают новые задачи.

Гирусов Э.В. — Какой проблемой можно больше всего раззадорить философов, так это вопросом, что такое философия. И, конечно, сама постановка вопроса, как она была дана в докладе Теодора Ильича, еще больше способствует этому желанию поспорить о философии. Но вы знаете, не только философы вкладывают в слово «философия» очень разный смысл. Можно раззадорить — и опять-таки, очень сильно — и просто людей, не имеющих профессионального отношения к философии. Потому что действительно это вопрос вечный. Это вопрос, который не имеет окончательного решения, потому что это вопрос о смысле бытия, о смысле всего существующего, или того, что будет существовать, и т.д. А смысл тот всегда имеет оттенок субъективности. Правда, возникает вопрос — а что же, наука вообще остается в стороне от проблемы смысла? Нет, она тоже решает эту проблему, но по-своему. Ищет физический смысл, химический смысл, и т.д., т.е. в гораздо более узком плане. И вот здесь, конечно, очень важно еще одну особенность философии не упустить из виду — то, что она ищет смысл на предельно общих основаниях. А что это означает? Это означает: поставить то или иное явление, которое мы осмысливаем, в связь — в связь пространства, в связь времен, в связь вообще смыслов других явлений, и т.д. Вот в чем эта действительно великая миссия и значимость философии.

Очень красиво Вадим Михайлович сказал, что философия — осознание свободы. Но ведь осознание несвободы — это тоже философия. Так что я думаю, нельзя отказывать философии, и не только эллинской, но и философии восточной, и философии южной, северной, и т.д., в неувядаемости!

Гусейнов А.А. — Разрешите мне тоже по ходу дискуссии добавить несколько слов. Сегодняшнее обсуждение подтвердило основную мысль Теодора Ильича о плюральности как специфическом признаке философии: все высказались по вопросу о предмете философии! По-видимому, философия имеет много специфических признаков, но все-таки зафиксировать этот признак именно специфично и фундаментально для философии — это очень важно. Причем, мне кажется, он является для философии более специфичным, чем для других областей культуры, чем даже для искусства.

Конечно, известно, что античное искусство сохраняет значение до настоящего времени. Но все-таки согласитесь, что в мире художественной культуры в настоящее время Эсхил, Софокл не занимают того места, какое, скажем, Аристотель и Платон в нашем философском мире. То есть речь идет о каком-то принципиально ином качестве философии. И ведь проблема состоит в том, как теоретическая мысль и сегодня может не апеллировать к античности, уже находя там какие-то свои истоки. Но при этом я хочу обратить внимание и поддержать Владислава Александровича еще в том, что плюралистичность философии вовсе не означает, что философия лишена пафоса истины. Я бы еще более усилил: плюралистичность философии находит свое дополнение в стремлении каждой из философских систем не просто к истине, а, если хотите, к абсолютной истине. В этом-то и особенность философских систем. Конечно, не все создавали такие системы, как Плотин, Гегель, которые как бы отвечали на все вопросы. Но даже те философы, которые не делали этого, тем не менее, принципиально исходили из того, что дают единственно правильный образ мира,.. единственно правильное понимание тех проблем, которыми они занимаются. И в этом смысле они не оставляют места для других философий. То есть нет таких философий, которые бы видели свое оправдание в том, что они занимаются этой частичной проблемой, а другой частичной — другие, еще одной частичной — третьи. И даже те, которые критикуют философию, в этом смысле занимая скептическую позицию, тем не менее и свою позицию отрицания философского догматизма подают таким образом, как если бы она была единственно правильной. И мне кажется, очень важно осознать эту вещь и связь этих двух определений философии: она, с одной стороны, принципиально плюралистична, но может быть принципиально плюралистичной только постольку, поскольку она в плюралистичной массе в единичном проявлении претендует на истину, но в таком абсолютном, наиболее полной выраженности. Спасибо.

Ойзерман Т.И. — Я хотел бы сказать по поводу Вашего выступления, что то, что Вы говорите, абсолютно правильно для классических философских систем. Что касается современного постмодернизма — возьмите Батая, Лиготара, Деррида, Делёза — они все за асистемность, т.е. они как раз отрицают всякую претензию на полную истину, на абсолютную истину. В этом смысле они являются продолжателями Ницше. А то, что Вы сказали, характеризует, конечно, всю историю классической философии вплоть до марксизма включительно.